

Сборник посвящен памяти Л. И. Лаврова, крупного специалиста, сделавшего огромный вклад в историческую этнографию народов Кавказа.

Леонид Иванович обладал особым талантом увидеть сложную теоретическую проблему в ее обусловленности конкретно сложившейся ситуацией. Такое умение имеет особое значение для Кавказа, где требуется внимательное рассмотрение совокупности общих и частных моментов, т. е. учет самых конкретных обстоятельств. Благодаря широкому теоретическому кругозору, знанию языков, большому опыту полевых исследований и независимости мышления Л. И. Лавров занимал в науке самостоятельные позиции, не боясь временами оставаться в одиночестве. Назовем такие, теперь уже аксиоматические истины, за которые ему пришлось бороться: внешние по отношению к современным административным границам истоки этногенеза многих народов Кавказа; оценка исторического уровня развития конкретного общества без прямой интерполяции более поздней, зафиксированной лишь в XVII—XIX вв. социальной иерархии; сложное соотношение археологических культур с исторически известными на той же территории этнонимами и т. д. Л. И. Лавров первым занялся проблемой этнодифференцирующего значения эндогамии на материале народов Дагестана.

Его ученики с благодарностью, как и многие специалисты-кавказоведы, а также этнографы других специальностей, воспримут посвящение рассматриваемого сборника Л. И. Лаврову.

Открывает сборник краткая статья Л. И. Лаврова «Роль естественного географических факторов в истории народов Кавказа». В ней дана общая культурологическая оценка разнообразной ландшафтной среды региона, сделан ряд тонких замечаний о значении торгово-транспортных путей, как сухопутных, так и водных, приведены экологические наблюдения о влиянии среды, особенно климата и растительности, на характер жилищного строительства. Автор кратко суммирует этноэкологические выводы, сделанные им в предшествующих публикациях. Особенно важной представляется нам мысль о консолидации аварцев на маршруте естественных путей сообщения по ущельям Аварской Кайсу, агулов по верхнему течению Курах-чая, абхазов вдоль морского каботажного пути (с. 6). Не менее интересно заключение о вертикальной зональности двуязычия и многоязычия: жители более высоких местностей знают язык живущего ниже населения. Например, лезгини среднего и нижнего течения рек Самура и Курах-чая знают азербайджанский язык, рутульцы, живущие выше лезгин, владеют и лезгинским, и азербайджанским, а цахуры, расселенные еще выше рутульцев, — уже всеми тремя языками живущих ниже их народов (с. 6). В целом статья, несмотря на ее краткость и обзорный характер, представляет неоспоримый вклад в кавказоведение. Это взгляд большого специалиста, теоретика и практика этнографической работы, на целый ряд культурно-географических особенностей всего кавказского региона.

Следующая статья — В. П. Кобычева «Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе». Автор обращается к глубинным этапам этногенеза, используя данные этнотопонимики в освещении более поздних свидетельств фольклора и этнографии (с. 10). Оценивая эту статью, следует учитывать, что в настоящее время стремительно развиваются исследования именно по ранним этногенетическим эпохам на Кавказе. Лингвисты выступают с новыми классификациями языков, археологи прослеживают связи древних культур, историки углубляют представления о связях ранних государств Кавказа, особенно с переднеазиатскими центрами. Не должна удивлять нас и смелая гипотеза В. П. Кобычева о финно-угорской интерпретации некоторых кавказских топонимов (например, *Кура*), древних этнонимов (таких, как *удины*, *киммерийцы*, мифические *гам-стег*, фигурировавшие уже на исторической памяти *маджары* и др.).

В. П. Кобычевым затронут также вопрос об этнониме *амазонки*, к образу и проблеме которых рано или поздно не может не обратиться любой кавказовед. Автор предлагает финно-угорское толкование древнегреческого термина для амазонок и раскрывает его через этноним *гам* и название леса в адыгских — *мас* // *мез* и вепском языках — *мец*. Конечно, это только рабочая гипотеза. Она интересна, однако вызывает сомнения интерпретация термина *гам*. Функционально-семантическая основа этого термина (*gla*) уходит в глубокую древность, где она породила целое гнездо понятий, связанных с родо-племенными отношениями (*gladina* — человек, оставшийся без соратников; *gladвахана* — человек, имеющий поддержку многочисленных соратников; *glera* — воинское подразделение и т. д.). Этот же формант определяет мужские возрастные воинские группы. По мнению одного из авторов рецензии, *гам* скорее всего первоначально относилось к категории девушек-воинов, но позднее было отнесено к образу волшебной женщины-оборотня.

В русле гипотетических построений В. П. Кобычева об этнониме *удин* можно было бы привлечь факт из истории довольно продолжительного господства народа утиев в Шумере. Хотя и нет необходимости в этом вопросе, указанный факт требует обращения при изучении древней кавказской этнонимии не только к северным территориям, но к области распространения ранних переднеазиатских цивилизаций.

Сложная задача реконструкции этнических отношений и этапов консолидации грузинского самосознания поставлена Г. В. Цулая в статье «Этнокультурный аспект исторического процесса в раннефеодальной Грузии (V—X вв.)». Изучая этнокультурные ситуации, борьбу, взаимовлияния Г. В. Цулая, без обращения к разнородным и разноречивым свидетельствам эпохи (анализу стилей архитектуры, византийского этикета и т. д.), сумел провести глубокий исторический анализ письменных источников с целью их этнографической интерпретации. Автор, использующий в основ-

ном житийную и другую церковную литературу, понимает ограниченность своих источников. Так, в ней лишь изредка встречаются свидетельства о позиции народных масс в сложной идеологической борьбе, например «прямое указание на непричастность собственно армянского этноса к армяно-грузинским церковным пререканиям» у каталикоса Арсения Сапарийского (IX в.—с. 73). Ценность древнегрузинских источников не только в их уникальности. В них отражено уже «зарождение навыков исторического мышления» (с. 39), имеется представление об исторической перспективе, хотя бы в виде рецепций библейских мотивов в проповеднических целях (с. 40), а также передававшихся изустно, а потом закреплённых в сказаниях о сирийских подвижниках (с. 50) и т. д. И главное, что имеется в этих источниках, как показал Г. В. Цулая,— насыщенность этих источников важнейшей духовной проблематикой соответствующей эпохи: самоопределение грузин среди христианских народов «византийского круга»; борьба с маздеизмом; армяно-грузинское политическое и церковное расхождение, культивировавшееся сасанидским Ираном и насаждавшееся мусульманской экспансией.

Основной социально-идеологический вопрос эпохи — отношения раннефеодального абхазо-грузинского государства с Византией — автор трактует в плане борьбы грузинского этноса против ассимиляции греками, «абсорбции» ромеями (с. 58, 61, 70, 79). Думается, что здесь допущена явная натяжка: распространение христианства в V—X вв. не только в Закавказье, но и в других странах, например европейских, отличалось универсалистскими тенденциями, что, впрочем, помогало раннефеодальной этнической консолидации. Автор мог бы обстоятельнее коснуться христианского универсализма и тем самым более рельефно показать внутренние, собственно этнические процессы.

Факты, приведенные в статье Г. В. Цулая, убедительно подтверждают высокую оценку консолидирующей роли грузинского языка (с. 44), знаний традиций прошлого (с. 46), роль горцев-грузин в отражении военной опасности (с. 58) и др.

Большая работа Г. А. Сергеевой посвящена этноязыковым аспектам межэтнических связей в Дагестане (вторая половина XIX—XX в.). Благодаря обширности материала и точности его изложения эту статью можно назвать справочником по этноязыковой ситуации в Дагестане. Разобраться в отнюдь не простом переплетении языковых контактов с разнообразными экономическими, социально-культурными и брачными связями рассматриваемого региона автору помогает понятие «этноконтактных зон», акцентирующее повышенную интенсивность связей (с. 101). Этноконтактная зона — это поле консолидационных и ассимиляционных процессов. Процессы такого рода протекали также в прошлом и представляли собой важный этногенетический механизм. К примеру, некоторые аварские группы состоят из ассимилированных чеченцев, а в состав последних включены выходцы из многих народов Дагестана.

В статье кратко характеризуется роль письменности на местных языках, а также роль русской грамоты и русского языка в современных условиях. Хотелось бы отметить в связи с этим необходимость изучения еще мало известных обстоятельств, связанных с существованием в прошлом горских алфавитов на арабской графической основе, но это — тема будущих исследований.

Осетино-вайнахским этнокультурным связям посвящена статья Б. А. Калоева. Автор обращается к явлениям материальной культуры, социально-правовым нормам, погребальному культу, почитанию святых, празднествам, свадебным и другим обрядам, языческим верованиям и устному творчеству. Использованный материал разнообразен и обширен. Но в нем на первый план выдвинуты специфично осетино-ингушские связи, возникшие в результате тесного соприкосновения двух этносов. Более пристальное внимание к чеченскому материалу позволило бы острее поставить вопрос о значении кавказского субстрата в целом для этногенеза осетин, дало бы хронологическую градацию всем фактам, изложенным в обстоятельной статье Б. А. Калоева. Хотелось бы отметить одну немаловажную частность: наименование осетин, данное вайнахами, — *xluri*, которое традиционно возводится к термину *црон*, при использовании вайнахских данных выглядит иначе: у восточных чеченцев *xluri* — это не название другого этноса. Оно относится к населению, находящемуся «в центре». Причем этот термин — географическое обозначение центральной местности, затем перенесенный на обитателей, там живущих.

Научно объективная статья Б. А. Калоева вскрывает всю сложность этнокультурного процесса, протекающего на основе взаимного обогащения соседних народов.

Большой интерес вызывает статья Н. Г. Волковой «Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX — начало XX в.)». Цель автора — проанализировать исторически длительные контакты, проявляющиеся в общественном быту (с. 163). Материал рассматривается по рубрикам: «Хозяйственные основы этнокультурных контактов», «Природные и социальные факторы этнокультурных контактов», «Гостеприимство, куначество и патронат», «Аталычество, усыновление, побратимство», «Народное управление и суд. Праздники». Последняя, заключительная часть статьи — «Некоторые последствия этнокультурных контактов народов горного Кавказа».

Как видим, в статье обобщен огромный, тщательно собранный, во многом полевой этнографический материал. В результате вырисовывается картина длительно существовавших социальных, политических, культурных и брачных связей, которые были гораздо шире зоны контакта двух соседних народов. Поэтому Н. Г. Волкова правомерно оперирует не только понятием «этноконтактная зона», но и более общим — «этнокультурные контакты». Такой широкий подход, очевидно, позволит будущим исследователям приблизиться к представлению о Кавказе как историко-этнографической области и дать его внутреннее этнографическое районирование. Опыты такого рода уже предпринимались в советском кавказоведении, но каждый раз ареальные дефиниции культуры горных народов наталкиваются на трудности. Работа Н. Г. Волковой заставляет сделать вывод об особом, хозяйственно-культурном полиморфизме горных обществ, что приводило к пластичности

быта, менявшегося в зависимости от военно-политической обстановки в крае, от демографической ситуации, обменных рынков и т. д. Н. Г. Волкова отмечает, что в этих условиях складывались даже общие религиозно-культурные центры (с. 200—203). Поэтому мы вправе заключить, что широко бытующее мнение об изоляционизме горных обществ не соответствует истинному положению вещей. Кстати, отсутствие интенсивного денежного обращения в крае отнюдь не мешало оживленному натуральному товарообмену. Это необходимо учитывать при оценке уровня развития общественного строя конкретных обществ. Безусловно, что в преобладающем скотоводческом хозяйстве кабардинцев до середины XIX в., сельскохозяйственном — у чеченцев, ремесленном — в ряде центров Нагорного Дагестана и т. д. не следует видеть критерии эволюции социальных институтов. Перед нами скорее всего факты хозяйственной специализации.

Особое место в сборнике принадлежит статье Я. С. Смирновой «Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция» — исследованию тех социальных институтов, которые выполняли регулятивно-контролирующую роль в классовом обществе, лишенном резкой имущественной и социальной дифференциации, в условиях большой личной свободы его рядовых членов.

Искусственное родство в форме аталычества, усыновления и побратимства много раз описывалось наблюдателями и анализировалось теоретически. В рецензируемой статье основное внимание уделяется не столько генетическим корням этих институтов, сколько механизмам их функционирования, хотя затрагивается и проблема их трансформации. Автор показывает вовлечение форм искусственного родства в основные обряды жизненного цикла: детский, свадебный, а затем переходит к фактам установления родства в чрезвычайных случаях (казуальная адопция), к институту побратимства и посестримства и, наконец, к присяжным (клятвенным) братствам. Статью завершает теоретически насыщенное заключение — «Искусственное родство в системе раннеклассовых связей».

Несомненно по-новому удалось взглянуть Я. С. Смирновой на социально-культурную роль искусственного родства благодаря функциональной типологии его институтов, основанной на учете конкретных ситуаций — казуальное и окказиональное родство. Отражает конкретную действительность и такое типологическое наблюдение Я. С. Смирновой: феодальная знать предпочитала искусственное родство в виде аталыческих связей, включающих лиц разных поколений (аталык и воспитанник), а крестьянство — побратимство и присяжные братства как форму социальной защиты от давления верхов (с. 235, 241).

Осмысливая факты, Я. С. Смирнова обращается и к генетическим реконструкциям. Так, чечено-ингушский тейп представляет собой, по ее мнению, более архаическую форму кровнородственных связей, чем присяжные братства западных адыгов (с. 241). Можно, следуя мысли М. Ковалевского, видеть в присяжных братствах прежде всего институт, направленный против социальных верхов, который, выполнив свою функцию, стал терять значение. Но у западных адыгов антифеодальная крестьянская борьба была зафиксирована историческими источниками XVIII и XIX вв., тогда как у чеченцев и ингушей эта борьба, видимо, уже завершилась в XVI—XVII вв., вследствие чего прямое назначение братств оказалось размытым и было плохо отражено в источниках. Именно поэтому трудно этнографически корректно установить все элементы системы искусственного родства, скажем, в обрядах жизненного цикла.

Сборник завершает статья А. Е. Тер-Саркисянц, посвященная браку и свадебному циклу у армян, в которой сконцентрирован большой материал, охватывающий разные локально-этнографические группы. Весьма плодотворно особое внимание автора к историческим источникам, что позволяет вскрыть особенности исторического развития армянского этноса. Для исторической этнографии немалое значение имеет анализ терминологии и детальное рассмотрение брачных обычаев. Укажем хотя бы на такие факты: мать невесты получает со стороны жениха особую плату — «цену молока»/«груди» — с. 252; особую роль в заключении брака играет материнский дядя — с. 252, 259; значение пищи в оформлении свадебного цикла — с. 260, 262 и др.; выраженный культ предков — с. 268—269; культ очага — с. 271—272; магическое отношение к деторождению — с. 269; «свадебное дерево» как элемент обряда — с. 270—271 и т. д.

Некоторые моменты армянского свадебного обряда А. Е. Тер-Саркисянц интерпретирует посредством сравнения с обычаями других народов Кавказа: например, использование в свадебных обрядах армян Абхазии ритуального полотенца, что, возможно, является заимствованием из абхазского быта (с. 279). К материалам А. Е. Тер-Саркисянц можно привести также сверкавказские параллели. Так, обряд венчания у армян Нагорного Карабаха очень близок осетинскому и ингушскому. У чеченцев существовали сходные обычаи с дарением яблока, покрыванием невесты красным платком, жертвоприношением ягненка у порога. Ритуальное «убиение» женихом домашних животных в момент свадьбы у армян имеет аналогию в этнографии адыгских народов.

Общее направление сборника, обозначенное во «Введении» как изучение этнической истории, выдержано. Он отвечает возросшему уровню этнокультурных исследований в нашей стране. Немаловажно также, что статьи сборника, написанные с глубоким знанием дела, объективно пронизаны духом интернационализма, уважения к культурам всех народов Кавказа. Наконец, это издание, достойное памяти Л. И. Лаврова, которому в 1989 г. исполнилось бы 80 лет.

С.-М. А. Хасиев, Я. В. Чеснов